

Л.Ж. Жумашева^{1*}, Г.К. Уразалиева², С.С. Аубакирова³

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;

² Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;

³ Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

(E-mail: laridose@mail.ru; urazalieva@bk.ru; aubakur@mail.ru)

Влияние модернизационных процессов на систему ценностей и на идентичность

Статья посвящена влиянию модернизации на сферу ценностей и систему идентичностей. Выбрана релевантная трактовка сущности ценностей, под которой понимается надполезностное смысловое содержание, а также особая модальность, ибо и идентичности тоже обладают ценностной нагруженностью. Показана связь ценностей и идентичности, и как кризис ценностей влияет на кризис идентичностей. Рассмотрены причины зарождения процессов модернизации и ее этапы. Процесс первичной модернизации в Западной Европе в эпоху Нового времени был опосредован своеобразной предмодернизацией, проходившей в эпохи Ренессанса и Реформации. В эпоху Ренессанса началась урбанизация (перенос центров культуры из деревни в город), зародилась тенденция индивидуализма. Когда индивидуализм перестал быть «высоким», и в Западной Европе началось первоначальное накопление капитала, этот процесс непреднамеренно санкционировался протестантизмом. В это время крестьяне массово изгонялись со своих земель, рвались привычные связи и отношения, подвергались девальвации устоявшиеся ценности, усиливался кризис идентичности. В статье показано, что в определенное время кризис идентичности и ценностей охватил и бывшие советские республики, когда после развала СССР они превратились в независимые государства. На постсоветском пространстве началась осуществляемая сверху, по своему характеру являющаяся догоняющей формой модернизация. Выявлено, что постсоветские государства для выхода из кризиса ценностей и идентичностей стали осуществлять модернизацию с опорой на свои национальные культуры и стали формироваться новые идентичности и новая система ценностей.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, ценности, эпоха Ренессанса, Реформация, шоковая терапия, кризис ценностей, кризис идентичности.

Введение

Феномен модернизации является непреходящим предметом исследования социальной философии и социогуманитарных наук. Выявлены различные аспекты данного феномена, разработана типология модернизационных процессов. Влияние модернизационных процессов на конструируемую идентичность и ее ценностную сферу исследовано в недостаточной мере. Ставим задачу в этой статье восполнить данный пробел.

Методология исследования

В статье применены принципы историзма и конкретности. Первый позволяет рассмотреть процесс модернизации в историческом времени. Принцип конкретности исследования ориентирован рассматривать предмет как сложно организованную систему. Были отражены основные характеристики предмета исследования в системе таких парных категорий, как: сущность и явление, содержание и форма. Сравнительный метод был применён при сопоставлении тех процессов, которые происходили в Западной Европе с начала Нового времени, с теми процессами, которые имели место в постсоветских суверенных государствах в период их перехода к рыночной экономике.

Результаты и их обсуждение

Концептуальная основа «ценности» вырабатывалась в истории философии авторами в разные годы. Выделим некоторые важные аспекты для нашего исследования.

Впервые феномен ценности был обозначен как важный немецким философом и физиологом Р.Г. Лотце (1817–1881). В полную силу проблема ценностей была заявлена в работах авторов Баден-

* Автор-корреспондент. E-mail: laridose@mail.ru

ской (Фрейбургской) школы неокантианства, у В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Последний специально касается проблемы ценностей в сочинениях «О понятии философии» (1910) и «О системе ценностей» (1914), а второй параграф его статьи «О понятии философии» носит название «Ценность и действительность».

Г. Риккерт выстраивает следующую логику рассуждений. Предметом философии является мировое целое, или мир как целое. Она стремится выработать то, что называется мировоззрением. Размышление о мире приводит к противопоставлению Я и мира, или иначе субъекта и объекта. Во взаимоотношении Я и мира, субъекта и объекта, состоит по замыслу автора «мировая проблема», которая допускает два решения. Первое решение находится на стороне объекта, ибо понятие мирового целого можно посредством включения в него субъекта. Второе решение находится на стороне субъекта, который строит мировое целое. Как отмечает Риккерт, возникают два противоположных мировоззрения, из которых каждое является односторонним и, следовательно, неистинным. Одно является объективистским, другое субъективистским. Ни то, ни другое не решает проблему мировоззрения. «Предлагаемое ими понятие о мире, — пишет Риккерт, — для этого слишком узко. Они оба не выходят из рамок действительного бытия, но как бы широко мы ни мыслили бытие, оно всё же только часть мира. Кроме бытия, имеются ещё ценности, значимость которых мы хотим понять. Лишь совокупность бытия и ценностей составляют вместе то, что заслуживает имени мира» [1; 22].

Это основное положение Г. Риккерта важный вклад в позицию неокантианцев Баденской школы: мир, включающий в себя субъекта и объекта, не есть весь мир, а лишь часть его. Обычные люди, отмечает он, рассуждают следующим образом. В некоторых объектах обнаруживаются те или иные ценности. Их обычно так и называют ценностями. Но это ошибочное утверждение. Например, картину или скульптуру называют ценностью. Но разве полотно, краски и лак картины или мрамор (бронза, дерево, гранит) являются ценностями? Имеет смысл, замечает Риккерт, такие объекты называть «благами», отличая их от тех ценностей, которые содержатся в этих объектах. Однако ценность, бесспорно, как-то связана не только с объектом, но и с субъектом: ведь это он оценивает объекты. Возникает вопрос: «А может быть акт оценки объекта и ценность — одно и то же?» Таково обычное мышление, отмечает Риккерт. Считают потому, что без оценивающего субъекта не существует ценности.

Смещение ценности и оценки — это один из самых устойчивых предрассудков. «Правда, — отмечает Риккерт, — ценности для нас связаны всегда с оценками, но они именно связаны с ними, а потому-то их и нельзя отождествлять с действительными реальными оценками» [1; 23]. В этом Г. Риккерт, безусловно, прав. Если оценка имеет место или нет, то существование ценности бесспорно. Ценность логически первичнее акта оценки, который состоит в подведении оцениваемого предмета под некоторую ценность. Но далее Риккерт утверждает следующее. Акт оценки соединяет ценность с предметами, находящимися в сфере действительности. Сами же ценности «не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта. Если, следовательно, мир состоит из действительности и ценностей, то в противоречии этих царств и заключается мировая проблема. Противоречие это гораздо шире противоречия объекта и субъекта. Субъекты вместе с объектами составляют одну часть мира — действительность. Им противостоит другая часть — ценности. Мировая проблема есть проблема взаимного отношения обеих этих частей и их возможного единства» [1; 23, 24].

Таким образом, сфера ценностей, по Риккерту, трансцендентна. Ценность — это «смысл, лежащий над всяким бытием». Связь ценностей с действительностью осуществляется посредством смысла, который принадлежит обоим сферам. Итак, ценности придают смысл акту оценки, создающему блага. Совокупность всех благ образует сферу культуры. Культура, таким образом, есть часть действительности, соединенная с ценностями.

Близкую к позиции Риккерта высказывал М. Шелер. Он указывал на определенную автономность ценностей, то есть трансцендентность. По Шелеру, ценности — это специфические сущности. В мире первоначально выделяются два рода бытия — бытие вещей и бытие благ, и лишь затем мы открываем, чувствуем в них ценности. «В естественной установке «даны» вещи и блага, — пишет М. Шелер. — Только во вторую очередь нам даны ценности, которые мы чувствуем в них и само это чувство» [2; 279]. Однако не стоит забывать, что ценности всё же не обладают полностью независимым бытием, а всегда являются ценностями «чего-то» или «кого-то». Ценности есть специфические качества объектов и субъектов [3; 18–31]. В своем позднем периоде творчества Шелер уделял особое

внимание миру вещей человека, ибо через человека и происходит единение вещи и ценности, и сам человек принадлежит обоим мирам.

Несколько иную трактовку ценностей предложил Н. Гартман, основатель «критической онтологии». Согласно ему, мир имеет иерархическое строение; он состоит из четырёх «слоёв». Если рассматривать снизу вверх, то это: неорганическая природа, жизнь, психическое и духовное бытие [4; 623].

Ценности, согласно Гартману, наряду с областью логического, относятся к сфере идеального бытия. Сфера ценностей родственна области сущностей, но полностью ей нетождественна. Сущности, отмечает Гартман, «ведут себя как законы, которым реальные случаи всецело подчинены. В случае ценностей это не так. Реальные случаи могут им соответствовать или также и не соответствовать; и тогда в первом случае они оказываются «ценными», во втором — «контрценными». Ценности не детерминируют реальное непосредственно, но образуют лишь инстанцию его ценностности или контрценностности. Но в их собственном существовании контрценностность реального ничего не меняет. Они, таким образом, с самого начала оказываются независимыми от того, соответствует ли им реальность или нет. В этом отношении их самостоятельность явно более высока, чем самостоятельность сущностей» [5; 598, 599].

Способ бытия ценностей в его отношении к реальному бытию у Гартмана напоминает способ бытия абсолютного пространства и абсолютного времени в механике И. Ньютона. Как известно, Ньютон различал относительные пространство и время как характеристики многообразных явлений мира и абсолютные пространство и время, безотносительные к миру и его пространственно-временным характеристикам. Абсолютные пространство и время безразличны, существует ли что-либо в мире и происходят ли в нём какие-либо события. В то же время Гартман допускает некоторую связь ценностей и феноменов реального мира. Он отмечает, что «ценности схватываются вовсе не без учёта реального, но именно при взгляде на «его» ценностность или контрценностность» [5; 601]. Гартман говорит о наличии у субъекта особого «ценностного чувства», которое, сталкиваясь с чем-либо реальным (вещью, действием, поступком и т.д.), схватывает также и его ценностность или контрценностность. «А за счёт этого, — утверждает Гартман, — схватывают и саму ценность, причём, что характерно, наилучшим образом там, где её в переживаемом реальном случае не хватает...» [6] При этом в таких случаях, считает он, ценностное чувство схватывает ценность в её чистоте и всеобщности.

Предшествующими авторами анализировались секулярные концепции ценностей. Религиозная концепция представлена в учении русского религиозного философа Н.О. Лосского. «Ценность, — пишет он, — есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них» [7; 250]. Однако эта вездесущность ценностей, отмечает Лосский, не облегчает, а, наоборот, затрудняет их исследование. Свою философию Лосский называет идеал-реализмом. Следовательно, истинная теория ценностей может быть лишь идеал-реалистической. Он выделяет два основных рода ценности — первичную и производную. Он пишет: «Понятие производной ценности легко может быть определено: это бытие в его значении для осуществления абсолютной полноты бытия или удаления от неё. Вся трудность заключается в определении первичной сверхмировой абсолютной положительной ценности: это — Бог как само Добро, абсолютная полнота бытия, сама в себе имеющая смысл, оправдывающий её, делающий её предметом одобрения, дающий ей безусловное право на осуществление и предпочтение чему бы то ни было другому» [7; 286]. Определение производной ценности, отмечает Лосский, не содержит в себе разделения на род и видовое отличие. Таким образом, можно утверждать, что он прав в том, что ценности пронизывают собой любую деятельность, любой поступок человека.

С тех пор проблема ценностей обсуждалась в философии неоднократно. В советской философии в 60-е годы прошлого столетия велась организованная дискуссия о природе ценностей, об их уместности для марксистской философии. Наблюдалось лишь некоторое прояснение сути проблемы. Уже после крушения Советского Союза Д.А. Леонтьев писал: «Парадоксально то, что в науках, имеющих дело с ценностной проблематикой, понятие ценности не занимает места, хотя бы приблизительно соответствующего его реальной значимости» [8; 15, 16]. Между тем, существует концепция, в которой сущность ценностей раскрыта, на наш взгляд, вполне удовлетворительно. Она принадле-

жит Г.С. Батищеву. Он выделил в архитектонике человека три уровня, или — по его терминологии — поля:

«а) поле полезностей, которому соответствует наделённое самостоятельностью поле субъект-объектных отношений и логика оконечивания;

б) поле устремлённостей, в котором объектные отношения снимаются более конкретными междусубъектными, раскрытыми в беспредельность;

в) поле созидания самих бесконечных устремлённостей, или собственно творчества, как космического универсального, бытийственного со-авторствования [9; 433].

В границах первого уровня, или поля полезностей, точкой отсчёта является индивид (группа, конкретное общество в целом, а мотивом его действий, поведения и поступков является потребность: индивид (группа) требует чего-то конкретного от действительности (культурной или/и природной) как сфере средств для него. В границах второго уровня, или поля устремлённостей, центром является уже не индивид (группа), а некие смысловые содержания, к которым он устремлён всем своим существом. Это и есть область ценностей. Здесь для индивида (группы) «даже самая огромная величина полезностей не имеет силы влияния на него сравнительно с ценностным и целевым... качеством направленности...» [9; 433] А.А. Хамидов так интерпретирует данное положение: «Ценность... — это то, что не потребляется, а то, к чему человек устремляется. К ценности стремятся, ею измеряют себя и действительность, к ценностям приобщаются, а не подчиняют их себе, как это обстоит с полезностями» [10; 75]. В литературе часто отождествляют ценность и полезность. На деле же ценность — над-полезностное смысловое содержание и особая модальность.

Таким образом, рассмотрев некоторые трактовки ценности, можно прийти к выводу, что ценность есть отдельное целое, действительность, имеющее определенную автономность, но которая не обладает полностью независимым бытием. Ценности трансцендентальны и относятся к сфере идеального бытия. Они пронизывают собой любую деятельность, любой поступок человека, таким образом являясь неотъемлемой частью каждой личности и общества в целом. В процессе формирования и присвоения ценностей образуется идентичность и ценностная структура личности, которые являются основой общественного сознания.

Рассматривая феномен идентичности, в первую очередь, обратимся к тому определению понятия «идентичность», которое исходит из его лингвистического словарного значения. Сам термин происходит от латинского слова «idem», означающего «такой же, тот же самый», и в античной философии этот термин употребляется наряду с термином «тождественный». В современном значении «идентичность», как правило, обозначает тождественность, полное сходство, совпадение.

Как специальное понятие наук социогуманитарного профиля, а именно социальной философии, политологии, психологии, «идентичность» появилась в постсоветской философии. В 1998 г. российский философ В.С. Малахов писал: «Поскольку в отечественной культурной традиции «идентичность» передавалась обычно как «тождество», русскому уху не слышно то, что в романо-германском ареале воспринимается как естественное. Мы, например, не слышим, что в работе Хайдеггера «Идентичность и индифференция» разрабатывается то же самое понятие, какое развивал в своей «Философии тождества» Шеллинг. Мы не привыкли связывать критику «мышления тождества» у Адорно и Хоркхаймера и проблематику «идентичности» в социологической и социально-философской литературе 70–80-х годов. Между тем во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же термином» [11; 43]. Спрашивается, почему же это социальные философы (если ограничиться ими) все как один забыли термин «тождество» и стали оперировать термином «идентичность».

В.С. Малахов объясняет это «эффектом добавленной валидности». «Эффект этот, — пишет он, — состоит в завышении ожидания от чужого слова. В приписывании термину, пришедшему из иностранных языков, особой значимости, что в свою очередь сопряжено с некорректным употреблением такого термина» [11; 43, 44]. Это связано с распадом Советского Союза и с недоверием интеллектуальной элиты к господствовавшей в нём идеологии, а тем самым — и к той терминологии, в которой она выражалась. И с начала 1990-х гг. в социальную философию и в другие социогуманитарные дисциплины стали массово внедряться иноязычные термины (прежде всего англицизмы), что в глазах интеллектуальной элиты повышало значимость её теоретических изысканий.

Но только ли «эффектом добавленной валидности» объясняется столь широкое распространение понятия идентичности? А.А. Хамидов пишет, что «в концепции идентичности основанием является формальная логика с её абсолютизацией тождества. Тем самым, в отличие от категории тождества, фигурирующей в русскоязычных философских текстах по логике, теории познания, онтологии и дру-

гих разделах философии такого уровня имеет сугубо концептуальный смысл рассматривать идентичность в социальной философии и иных социогуманитарных дисциплинах — опять же там, где оно базируется на принципе $A = A$ — не как категорию, а как всего лишь понятие» [12; 13]. Дело в том, рассуждает далее А.А. Хамидов, что: «задачи, которые ставятся в социальной философии... благодаря понятию идентичности, состоят в установлении каждый раз конкретной идентичности и самоидентичности. При решении таких задач диалектическая логика с её специфической трактовкой тождества и различия и их соотношения тут неуместна; она может лишь запутать в их решении. Результат процесса идентификации должен быть однозначным и категоричным: идентичен тот или иной индивид другому индивиду, или группа другой группе, или же не идентичны? Различие при установлении идентичности, конечно, фигурирует, но фигурирует как то, что не соответствует установленной идентичности, несовместимо с ней» [12; 13]. Некоторые другие аспекты феномена идентичности, в том числе и его связь с ценностями, будут раскрыты ниже.

Понятие модернизации (социальной модернизации в широком смысле) в социальной философии употребляется в двух основных значениях. Во-первых, под модернизацией понимается исторический переход в Западной Европе от Средневековья к Новому времени, или, иначе, — от феодализма к капитализму. Во-вторых, под модернизацией понимается переход так называемых традиционных обществ, основанных на аграрной экономике, к обществам, основанным на индустриальной экономике. Этот переход может осуществляться по инициативе этих обществ или же в той или иной форме навязываться им извне. Существуют различные формы модернизации в их соотношении с вестернизацией (ведь историческая родина модернизации — Запад).

Обратимся сначала к западноевропейской модернизации. Она одновременно осуществлялась как в сфере экономики, так и в духовной, в первую очередь в религиозной, сферах. Но этой модернизации предшествовала эпоха Ренессанса, которую можно определить как процесс пред-модернизации. Эпоха Ренессанса наступила сначала в Италии на рубеже XIV–XV вв., а в других странах Западной Европы она наступила несколько позже — в XV–XVI вв. Что характерно для этой эпохи? Прежде всего то, что, если в условиях Средневековья центром являлась деревня, то в эпоху Ренессанса им становится город со всеми последствиями. Для города (и об этом можно судить по греческому полису или римской цивитас), характерна атомизация социальных связей, принцип коллективизма начинает вытесняться принципом индивидуализма. Однако Ренессанс — лишь начало всех этих процессов. Как отмечает А.Ф. Лосев, «возрожденческий индивидуализм обладает всеми чертами детского и юного характера. Ему свойственна та непосредственность и наивность, которая оберегла его от крайних выводов, а если выводы тогда и делались, то сами возрожденцы совсем не понимали тех страшных путей, на которые толкал их этот красивый и юный индивидуализм. Ренессанс был далек от всякой буржуазной ограниченности» [13; 62].

Принципиально иным по сравнению со средневековым было и мировоззрение Ренессанса. Как известно, античное мировоззрение было космоцентрично, средневековое — геоцентрично, мировоззрение Нового времени — природоцентрично. Мировоззрение же эпохи Ренессанса было антропоцентричным. В центр и на вершину Мироздания в этом мировоззрении был возведён человек, потеснивший Бога. Но это не обычный индивид, а творческая индивидуальность. Ф. Энгельс писал, что это была «эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учёности» [14; 346]. Начинает формироваться образ человека, который создал себя сам (selfmade man). У индивида формируется мотивация самоутверждения, стремления не просто отличаться от других, но и превосходить других. В ещё большей степени это было присуще «титанам» Возрождения, почти каждый из которых сочетал в себе выдающиеся способности живописца, скульптора, архитектора, инженера и т. д.

Большинству людей эпоха Ренессанса известна по тем великим достижениям, которые до сих пор поражают своим величием. Однако возрожденческий «титанизм» имел не только лицевую, но и обратную сторону. Она хорошо описана А.Ф. Лосевым. «Возрождение, — пишет он, — прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей. ...Здесь, несомненно, сказался стихийный индивидуализм эпохи, эта уже обнажённая от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своём бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики» [13; 120]. Отмечается почти поголовное падение

нравов, распространяющееся также на высшую знать, политических деятелей, интеллектуальную и художественную элиту и высшее духовенство.

В XVI в., точнее в 1517 г., когда М. Лютер (1483–1546) выступил с изложением своих «95 тезисов», в Западной Европе началась эпоха Реформации и как реакция на неё — эпоха Контрреформации. Появилось специфическое направление христианства — протестантизм. «Красивый» индивидуализм вскоре выродился в обычный эгоистический индивидуализм. Началась так называемая эпоха первоначального накопления капитала, которая получала опосредствованную санкцию от протестантизма. В. Зомбарт писал, что формирование капитализма обязано деятельности евреев, но вероучение, которое зафиксировано в Ветхом Завете (непосредственно переведённого с иврита), одинаково как для католицизма, так и для протестантизма. Дело в том, как протестантизм толковал отношение Бога и человека, и в чём он видел цель человеческой жизни, кроме цели спасения души. А для этого, согласно протестантизму, человеку не обязательно заниматься добрыми делами, как учит католицизм, а просто трудиться. Как отмечает М. Вебер, труд «как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека» [14; 187]. Вебер отмечает, что «выполнение мирских обязанностей служит при любых обстоятельствах единственным средством быть угодным Богу, что это — и только это — диктуется божественной волей и что поэтому все дозволенные профессии равны перед Богом» [14; 98]. Так формировался особый трудовой этос и то, что М. Вебер называл «духом капитализма».

В период первоначального накопления капитала рушились многие традиционные связи, нормы, ценности и идентичности. Людей массово изгоняли с их земель. Поскольку мануфактур первоначально было мало, то из этих людей лишь незначительная часть превращалась в наёмных рабочих. Остальные должны были вести нищенский образ жизни, становиться грабителями или же просто умирать. У всех этих людей, в том числе и у тех, кому повезло устроиться в мануфактуры, произошёл кризис ценностей и кризис идентичности. Каждый индивид ориентирован на определённые ценности и обладает определёнными идентичностями, ибо каждый обладает не одной единственной идентичностью, но многими; он — полиидентичен. Все идентичности могут быть разделены на субъективные и объективные. Объективные идентичности формируются в реальной жизнедеятельности и исходят от социума, в котором живут индивиды или их группы. Как член социума индивид обладает набором конкретных идентичностей. Конечно, в процессе его жизни эти идентичности могут изменяться. Субъективные идентичности, или самоидентичности, — это те, которые индивид или группа считают своими.

«Как объективные, так и субъективные идентичности, — пишет А.А. Хамидов, — как правило, обладают ценностной определённостью. А это значит, что все они (или почти все) выстроены в ценностную субординацию и каждая идентичность на шкале ценностей занимает определённое положение» [15; 144, 145]. Индивиды и группы индивидов могут по-разному относиться к своим объективным идентичностям в ценностном плане: одни они оценивают положительно, другие — отрицательно. Кризис ценностей чаще всего сопутствует кризису идентичности или даже совпадает с ним. В процессе становления капитализма в Западной Европе, который и считается процессом модернизации, большинство населения испытывало одновременно двойной кризис: ценностей и идентичностей. Крестьянин, у которого отобрали землю, изгнали из его жилища, перестал быть таковым. Нарождающийся новый строй ещё не выработал свои новые идентичности в масштабах социума, и люди в целях выживания себя и семей, вынуждены были обретать идентичности, несвойственные ни уходящему строю, ни нарождающемуся. Разумеется, нищие, бродяги, грабители и им подобные персонажи существовали и при феодализме, и будут существовать при капитализме. Но там они существовали не в таких масштабах.

Французский социолог А. Турен пишет о феномене, который он именуется «призывом к идентичности». Как он утверждает, «призыв к идентичности представляет собой, прежде всего, отказ от социальных ролей, которые должно играть действующее лицо» [16; 97, 98]. Если это положение применить к процессу становления модернизации в Западной Европе, то, конечно, наличный социум никого ни к чему не призывал. Но он диктовал людям, утратившим прежние их социальные роли, обрести новые доступные им идентичности с целью выживания. Кроме «призыва к идентичности», отмеченного А. Туреном, существует ещё и феномен «навязанной, или вменяемой, идентичности». Как отмечает С. Гурин, «идентичность может быть навязана, внушена, принята для каких-либо целей. И тогда возникает несоответствие внешнего и внутреннего, формы и содержания, проявления и сущности. Идентичность нарушается, образ себя разрушается, происходит кризис идентичности» [17]. О навязанной идентичности писала также и казахстанский философ Е.Е. Бурова (см.: [18]). Конечно,

идентичность бродяги, нищего или наёмного рабочего на мануфактуре специально не навязывалась бывшим крестьянам, но она навязывалась обстоятельствами, в которых они оказались.

Феномены «призыва к идентичности» и «навязанной идентичности» характерны для тех государственных образований, которые осуществляют форму так называемой догоняющей модернизации. Она состоит в перенесении государствами западноевропейских форм экономики и социокультурных институтов на собственную почву. Разумеется, перенимается не процесс перехода от феодализма к капитализму, как он проходил в Западной Европе в XVII–XVIII столетиях, а современное состояние модернизированного Запада, то есть как вестернизация или (и) американизация в их современном виде. Нередко правительства государств, вступивших на путь догоняющей модернизации, осуществляют переход от прежнего состояния к новому посредством так называемой «шоковой терапии» [19]. Она распространяется на сферу экономики. Если экономика в государстве как в СССР плановая или если оно контролирует большую часть экономики, то проводится резкая либерализация цен и приватизация убыточных государственных предприятий. В случае плановой экономики она срочно переводится на рыночные рельсы. В ставших суверенными государствами бывших союзных республик «под шумок» приватизировались и вполне рентабельные предприятия (не случайно в народе эти мероприятия получили название «прихватизация»).

К чему ещё ведёт шоковая терапия? К произвольному распределению собственности, к росту инфляции и даже гиперинфляции, к спаду производства, к массовой безработице, к криминализации экономики, к росту социальной напряжённости. Ситуация после 1991 г. усугублялась ещё и тем, что в Советском Союзе была единая общесоюзная производственная сеть предприятий. В одной союзной республике добывалось сырьё, в другой оно обрабатывалось, в третьем месте из него производилась продукция, в четвёртом она реализовывалась. Когда Советский Союз распался, распались и эти звенья производственного процесса. Каждая бывшая союзная республика осталась с тем, что размещалось на её территории. Это надолго затормозило развитие в этих государствах.

Как пишет Р.И. Зекрист, в новых государствах появились сверхбогатые («олигархи») и сверхбедные (нищие), появилось много безработных. Произошла инфляция многих прежде престижных профессий, званий, титулов. В контексте новой действительности они обесценились [20]. Тем самым ценностный кризис дополнился кризисом идентичности. Люди утрачивали свои казавшиеся устойчивыми идентичности и вынуждены были принимать на себя другие, часто неприемлемые по мировоззренческим и иным соображениям. Но жить было надо, и они их принимали. Если человек лишился каких-то идентичностей или же они в контексте новой действительности оказались дискредитированными, то у него всё же оставалась та идентичность, которой человека, пока он жив, лишить невозможно.

Это — этническая или национальная идентичность. Человек сам не создаёт свою этнонациональную идентичность; появляясь на свет, он застаёт её. В советское время у человека, как правило, не существовало проблемы, где ему проживать и работать. Поэтому бывшие союзные республики были по своему составу полиэтничными. Когда Советский Союз распался, большинство людей остались проживать на территориях этих республик. Поскольку в ряде ставших суверенными государствами республик (особенно, как известно, прибалтийских) стали различать титульные и нетитульные этносы, то для последних их этническая идентичность стала болезненным вопросом. В целом ряде государств (таких как Россия, Белоруссия, Казахстан) проблема титульных и нетитульных этносов вскоре перестала быть конфликтной, менее актуальной. Первый этап модернизации как заимствования всего западного вскоре завершился, и суверенные государства, в том числе и Казахстан, стали осуществлять модернизацию с опорой на свои национальные культуры.

С обретением независимости в Казахстане встал вопрос о выборе пути. Нельзя сказать, что Казахстан сразу перешел на процессы модернизации с опорой на национальные культуры и стали формироваться новые идентичности и новая система ценностей. Начало и середина 90-х гг. были периодом определенного транзита, в которых обсуждались вопросы дальнейшего развития страны. Ценности и идентичность личности и общества были в переходном состоянии от советского человека к человеку независимой республики. Модернизационные процессы стали набирать оборот, учитывая национально-государственную специфику, особенности политической истории, культуры, этнических традиций, тем самым меняя ценности, систему идентичности и общественное сознание.

Заключение

Процессам модернизации предшествовал период своеобразной «предмодернизации», который характеризовался переходом центра культуры из деревни в город, первичного формирования индивидуализма в эпоху Ренессанса, а также появлением Реформации. Процессы как первичной, осуществлявшейся в Западной Европе с начала Нового времени, так и вторичной, в традиционных аграрных или доиндустриальных обществах, модернизаций оказывают существенное влияние на сферу ценностей и систему идентичности. Показано, что при резком осуществлении модернизации экономики, особенно в форме так называемой шоковой терапии, наступает кризис ценностей и кризис идентичностей, которые тесно связаны со сферой ценностей.

Список литературы

- 1 Риккерт Г. О понятии философии: Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. — М.: Республика, 1998. — 42 с.
- 2 Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей: Избранные произведения / М. Шелер. — М.: Гнозис, 1994. — 279 с.
- 3 Матвеев П.Е. Моральные ценности / П.Е. Матвеев. — Владимир: Владимир. гос. ун-т, 2004. — С. 31.
- 4 Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе: Культурология. XX век. Антология / Н. Гартман. — М.: Юрист, 1995. — 648 с.
- 5 Гартман Н. К основоположению онтологии / Н. Гартман; под ред. Д.В. Складнева; пер. с нем. Ю.В. Медведева. — СПб.: Наука, 2003. — 639 с.
- 6 Гартман Н. Эстетика / Н. Гартман; пер. с нем. Т.С. Батищевой, А.В. Дерюгиной, Е.В. Касьяновой, М.К. Мамардашвили. — М.: Изд-во ин. литер., 1958. — 692 с.
- 7 Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. — М.: Республика, 1994. — С. 249–314.
- 8 Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. — 1996. — № 4. — С. 15–26.
- 9 Батищев Г.С. Диалектика как логика мировоззрения целостно развитого человека, как логика его творческого отношения к миру и к самому себе: перспективы / Г.С. Батищев // Избранные произведения. — Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. — С. 426–434.
- 10 Хамидов А.А. Сущность ценностей и ценностных ориентаций / Культура и ценности современного мира. — Сб. материалов Респ. круглого стола. — Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2021. — С. 73–81.
- 11 Малахов В.С. Неудобства с идентичностью / В.С. Малахов // Вопросы философии. — 1998. — № 2. — С. 43–53.
- 12 Хамидов А.А. Категория тождества и понятие идентичности / А.А. Хамидов // Эл-Фараби. 2019. — № 1. — С. 3–18.
- 13 Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения / А.Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1978. — 623 с.
- 14 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 61–272.
- 15 Хамидов А.А. Идентичность: её архитектоника и основания актуализации проблемы идентичности / А.А. Хамидов // Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Кн. 2. — Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. — С. 139–162.
- 16 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. — М.: Научный мир, 1998. — 204 с.
- 17 Гуринов С. Философия идентичности [Электронный ресурс] / С. Гуринов // Сайт журнала «Топос». — 2014. — Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/6727>
- 18 Бурова Е.Е. Феномен «навязанной идентичности» в контексте глобализационных процессов / Е.Е. Бурова // Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности. — Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2011. — С. 321–358.
- 19 Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / Н. Кляйн. — М.: Добрая книга, 2000. — 656 с.
- 20 Зекрист Р.И. Идентичность и самоидентичность: между коллективом и индивидом [Электронный ресурс] / Р.И. Зекрист. — Костанай: Проблемы права и экономики, 2014. — Режим доступа: <https://articlekz.com/article/20973>

Л.Ж. Жумашева, Г.К. Уразалиева, С.С. Аубакирова

Модернизация процестерінің құндылықтар мен сәйкестілік жүйесіне әсері

Мақала модернизацияның құндылықтар саласы мен сәйкестілік жүйесінің ықпалына арналған. Құндылықтар мәнінің сәйкес интерпретациясы тандалған, ол пайдалыдан жоғары семантикалық мазмұн, сонымен қатар ерекше модальділік ретінде түсініледі, өйткені сәйкестіктер де құндылыққа ие. Құнды-

лықтар мен сәйкестік арасындағы байланыс және құндылықтар дағдарысының сәйкестік дағдарысына қалай әсер ететіні көрсетілген. Модернизация процестерінің пайда болу себептері мен оның кезеңдері қарастырылған. Жаңа дәуірдегі Батыс Еуропадағы алғашқы модернизация процесі Ренессанс пен Реформация кезінде орын алған өзіндік модернизацияға дейінгі аралықпен жүргізілді. Қайта өрлеу дәуірінде урбанизация басталды (мәдениет ошақтарын ауылдан қалаға көшіру), индивидуализм ағымы дүниеге келді. Батыс Еуропада индивидуализм «жоғары» болуды тоқтатып, капиталдың қарабайыр қорлануы басталған кезде, бұл процеске протестантизм әдейі рұқсат берген жоқ. Бұл кезде шаруалар өз жерлерінен жаппай қуылды, үйреншікті байланыстар мен қарым-қатынастар үзілді, қалыптасқан құндылықтар құнсызданды, сәйкестік дағдарысы күшейді. Мақалада КСРО ыдырағаннан кейін тәуелсіз мемлекеттерге айналған бұрынғы кеңестік республикаларды белгілі бір уақытта өзіндік және құндылықтар дағдарысы қамтығаны көрсетілген. Посткеңестік кеңістікте жоғарыдан жүзеге асырылатын модернизация басталды, ол өзінің табиғаты бойынша қуып жететін нысан болып табылады. Посткеңестік мемлекеттер құндылықтар мен бірегейлік дағдарысын еңсеру үшін өздерінің ұлттық мәдениеттері мен жаңа бірегейліктері негізінде жаңғыртуды жүзеге асыра бастағаны және құндылықтардың жаңа жүйесі қалыптаса бастағаны анықталды.

Кілт сөздер: модернизация, сәйкестілік, құндылықтар, Ренессанс, Реформация, есеңгіреу терапиясы, құндылық дағдарысы, сәйкестік дағдарысы.

L.Zh. Zhumasheva, G.K. Urazalieva, S.S. Aubakirova

Influence of modernization processes on the system of values and identity

The article is devoted to the impact of modernization on the sphere of values and the system of identities. A relevant interpretation of the essence of values is chosen, which is understood as a supra-useful semantic content, as well as a special modality, because identities also have a value load. The relationship between values and identity and understanding of how the crisis of values affects the crisis of identities are provided. The reasons for the emergence of modernization processes and their stages are considered. The process of primary modernization in Western Europe in the modern era was mediated by a kind of pre-modernization that took place during the Renaissance and Reformation. In the Renaissance, urbanization began (the transfer of cultural centers from the countryside to the city), the trend of individualism was born. When individualism ceased to be “high” and the primitive accumulation of capital began in Western Europe, this process was not deliberately sanctioned by Protestantism. At this time, peasants were massively expelled from their lands, habitual ties and relationships were torn, established values were devalued, and an identity crisis was intensified. The article shows that at a certain time the crisis of identity and values covered the former Soviet republics when after the collapse of the USSR they turned into independent states. In the post-Soviet space, modernization began, carried out from above, which by its nature is a catch-up form. It was revealed that the post-Soviet states, to overcome the crisis of values and identities, began to carry out modernization based on their national cultures and new identities and a new system of values began to form.

Keywords: modernization, identity, values, Renaissance, Reformation, shock therapy, value crisis, identity crisis.

References

- 1 Rickert, H. (1998). O poniatii filosofii [About the concept of philosophy]. *Nauki o prirode i nauki o culture — Natural sciences and cultural sciences*. Moscow: Respublika [in Russian].
- 2 Sheler, M. (1994). Formalizm v etike i materialnaia etika tsennostei [Formalism in Ethics and the Material Ethics of Values]. *Izbrannye proizvedeniia — Selected works*. Moscow: Gnozis [in Russian].
- 3 Matveev, P.E. (2004). Moralnye tsennosti [Moral Values]. Vladimir: Vladimirskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].
- 4 Gartman, N. (1995). Problema dukhovnogo bytiia. Issledovaniia k obosnovaniuu filosofii istorii i nauk o dukhe [The problem of spiritual life. Research to substantiate the philosophy of history and the sciences of the spirit]. *Kulturologiia. 20 vek. Antologiia — Culturology. XX century. Anthology*. Moscow: Yurist [in Russian].
- 5 Gartman, N. (2003). K osnovopolozheniiu ontologii. [On the basis of ontology]. D.V. Skliadneva (Ed.). (Yu.V. Medvedeva, Transl.). Saint Petersburg: Nauka [in Russian].
- 6 Gartman, N. (1958). Estetika. [Aesthetics]. (T.S. Batishcheva, A.V. Deriugina, E.V. Kasianova, M.K. Mamardashvili, Transl.). Moscow: Izdatelstvo inostranoi literatury [in Russian].
- 7 Losskii, N.O. (1994). Tsennost i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostei [Value and existence. God and the Kingdom of God as the basis of values]. *Bog i mirovoe zlo — God and the world's evil*. Moscow: Respublika [in Russian].
- 8 Leontev, D.A. (1996). Tsennost kak mezhdistsiplinarnoe poniatie: opyt mnogomernoi rekonstruktсии [Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 4, 15–26 [in Russian].

- 9 Batishchev, G.S. (2015). Dialektika kak logika mirovozzreniia tselostno razvitogo cheloveka, kak logika ego tvorcheskogo otnosheniia k miru i k samomu sebe: perspektivy [Dialectics as the logic of the worldview of a holistically developed person, as the logic of his creative attitude to the world and to himself: perspectives]. *Izbrannye proizvedeniia — Selected Works*. Almaty: IFPR KN MON RK [in Russian].
- 10 Khamidov, A.A. (2021). Sushchnost tsennoitei i tsennostnykh orientatsii [Essence of values and value orientations]. *Kultura i tsennosti sovremennogo mira: Sbornik materialov Respublikanskogo kruglogo stola — Culture and values of the modern world: Collection of materials of the Republican round table*. Almaty: IPPR KN MES RK [in Russian].
- 11 Malakhov, V.S. (1998). Neudobstva s identichnostiu [Discomfort with identity]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 2, 43–53 [in Russian].
- 12 Khamidov, A.A. (2019). Kategoriia tozhdestva i poniatie identichnosti [The category of identity and the concept of identity]. *Al-Farabi*, 1, 3–18 [in Russian].
- 13 Losev, A.F. (1978). Estetika Vozrozhdeniia [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 14 Weber, M. (1990). Protestantskaia etika i dukh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedeniia — Selected works*. Moscow: Progress [in Russian].
- 15 Khamidov, A.A. (2019). Identichnost: ee arkhitektonika i osnovaniia aktualizatsii problemy identichnosti [Identity: its architectonics and grounds for actualizing the problem of identity]. *Formirovanie kazakhstanskoi identichnosti v kontekste zadach modernizatsii obshchestvennogo soznaniia — Formation of Kazakhstani identity in the context of the tasks of modernizing public consciousness*. Almaty: IPPR KN MES RK, 2, 139–162 [in Russian].
- 16 Turen, A. (1998). Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego [The return of the acting man]. *Ocherk sotsiologii — Essay on sociology*. Moscow: Nauchnyi mir [in Russian].
- 17 Gurin, S. (2014). Filosofii identichnosti [Philosophy of Identity]. Sait zhurnala «Topos» — Site of journal “Topos”. Retrieved from <https://www.topos.ru/article/6727> [in Russian].
- 18 Burova, E.E. (2011). Fenomen «naviazannoi identichnosti» v kontekste globalizatsionnykh protsessov [The phenomenon of “imposed identity” in the context of globalization processes]. *Kazakhstan v globalnom mire: vyzovy i sokhranenie identichnosti — Kazakhstan in the global world: challenges and identity preservation*. Almaty: IPPR KN MES RK [in Russian].
- 19 Kliain, N. (2000). Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof [Shock Doctrine. The rise of catastrophe capitalism]. Moscow: Dobraia kniga [in Russian].
- 20 Zekrist, R.I. (2014). Identichnost i samoidentichnost: mezhdru kolektivom i individom [Identity and self-identity: between the collective and the individual]. *Kostanai: Problemy prava i ekonomiki*. Retrieved from <https://articlekz.com/article/20973> [in Russian].